

УДК 343.9.01

DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(1).46-54

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ПРОИЗВОЛ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

М.П. Клейменов^{1, 2}¹ Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск, Российская Федерация² Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

18 января 2021 г.

Дата принятия в печать

19 февраля 2021 г.

Дата онлайн-размещения

9 марта 2021 г.

Ключевые слова

Полиция; силовые структуры;
произвол; коррупция; провокация;
подстрекательство

Аннотация. Анализ развития состояния правопорядка в различных государствах заставляет обратить внимание на глобальную тенденцию подмены теоретической концепции правового государства практикой полицейского произвола. В Российской Федерации произвол полиции и иных силовых структур наиболее рельефно просматривается по двум направлениям: коррупция и преступления в сфере правосудия. В этой связи важно выявить обоснованность концептов уголовно-правового реагирования и практики его применения по отношению к проявлениям полицейского произвола. Изучение деятельности института уполномоченных по защите прав предпринимателей позволяет констатировать, что она сосредоточена на доказывании того, что силовые структуры «кошмарят бизнес». Убедительных доказательств в пользу правильности этого тезиса не приводится. Тем не менее законодатель продолжает политику выделения специального субъекта преступления с пониженной уголовной ответственностью — предпринимателя, последовательно нарушая принцип равенства всех перед законом. В то же время нельзя отрицать коммерциализацию деятельности силовых структур, нашедших свою нишу в рыночной экономике России. Эта ниша — коррупционная. Коррупционное давление на бизнес чаще всего осуществляется в виде вымогательства взяток и провокации коррупции. В сфере провокационно-подстрекательской деятельности полиции нередко оказываются и граждане, которых затем осуждают за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, и за оскорбление представителей власти. Неудивительно поэтому негативное отношение значительной части российских граждан к полиции. Такое отношение в немалой степени сформировано в результате дискредитации правоохранительных органов. Российские средства массовой информации давно и упорно формируют негативный образ полицейского. Особенно преуспели в этом авторы сериалов «про бандитов и ментов». Отсюда следует вывод, что парадигма «бизнес в России находится под прессом уголовного законодательства, а силовые структуры «кошмарят бизнес» является ложной. Институту уполномоченных по защите прав предпринимателей следует отказаться от нее и сосредоточиться на выявлении и устранении причин и условий того, почему правоохранительные органы стали субъектами рыночных отношений. Необходимо решительно возразить против легализации провокации преступлений («правомерной провокации»), которую предлагают некоторые авторы. Любое содействие провокационной деятельности силовых структур выглядит как принципиальный отказ от защиты прав граждан, что открывает путь к массовому беззаконию и с правовой точки зрения совершенно недопустимо. Существующих оперативно-розыскных мероприятий вполне достаточно для изобличения реальных преступников.

ABUSE OF POWER BY THE POLICE: MYTHS AND REALITY

Mikhail P. Kleymenov^{1, 2}¹ Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, the Russian Federation² Dostoevsky Omsk State University, Omsk, the Russian Federation

Article info

Received

2021 January 18

Accepted

2021 February 19

Available online

2021 March 9

Abstract. The analysis of the situation with the rule of law in different countries makes it necessary to draw attention to the global trend of substituting the theoretical concept of a law-governed state by the practice of abuse of power by the police. The abuse of power by the police and other security forces in the Russian Federation is most evident in two areas: corruption and crimes in the sphere of justice. In this connection, it is important to understand the validity of the concepts of criminal law reaction and the practice of its enforcement in cases of abuse of power by the police. A study of the work of the institute of business ombudsmen makes it possible to state that it is focused on proving that security forces «harass business». No

Keywords

Police; security forces; abuse of power; corruption; provocation; incitement

persuasive proof is presented that supports this claim. Nevertheless, the lawmakers pursue the policy of selecting a special subject of crime with a lowered criminal liability — an entrepreneur, thus violating the principle of equality before the law. At the same time, it is impossible to deny the commercialization of the activities of security forces who found their own niche in the market economy. This is the niche of corruption. Corruption pressure on businesses most often takes the shape of extorting bribes and provoking corruption. The provocation and incitement activities of the police often involve those citizens who later are prosecuted for crimes connected with illegal trade in drugs, and for insulting authorities. In this connection, the negative attitude of a considerable part of Russian society to the police is not surprising. This attitude is, to a great degree, formed by discrediting law enforcement bodies. Russian mass media have been working long and hard to create a negative image of the police. The authors of the «gangsters vs. cops» series have been especially successful. This leads to the conclusion that the paradigm «business in Russia is under the pressure of criminal legislation, and security forces «harass business» is fake. The institute of business ombudsmen should reject it and focus of identifying and eliminating the causes and conditions of the situation that made law enforcement bodies subjects of market relations. It is necessary to radically oppose the legalization of crime provocation («legitimate provocation») that some authors suggest. Any facilitation to the provocation activities of security forces looks like a decisive refusal to protect citizens, which opens the gates to widespread lawlessness and, from the legal standpoint, is absolutely unacceptable. The existing operative and investigation activities are quite adequate for detecting real offenders.

Введение

Анализ развития состояния правопорядка в различных государствах заставляет обратить внимание на глобальную тенденцию подмены теоретической концепции правового государства практикой полицейского произвола. В США полиция может уклониться от парадигмы уголовного судопроизводства, основанной на законности, с помощью формальных и неформальных средств. Эта парадигма предполагает, что главная роль полиции — борьба с преступностью, ревностное следование которой приводит к нарушению гражданских прав. Полицейские получили право отступать от закона, как того требует необходимость, и именно они имеют решающее слово относительно того, что составляет необходимость [1, р. 1711]. Решения Верховного суда США, по существу, поддерживают такую позицию, подтверждая право полицейских применять огнестрельное оружие в самых сомнительных ситуациях [2, р. 48]. Обращает на себя внимание расовая «составляющая» убийств, совершенных полицейскими: чернокожие мужчины составляют 6 % населения и 40 % жертв полицейских инцидентов со стрельбой [3, р. 155]. В бразильских городах полицейское насилие становится наиболее тревожной чертой современного состояния преступности [4, р. 161]. В государствах Латинской Америки и Африки процветает коррупция, часто связанная с вымогательством взяток, которая поражает политические и силовые структуры [5]. В Рос-

сийской Федерации произвол полиции и иных силовых структур просматривается по четырем направлениям: коррупция, рейдерство, «крышевание», преступления в сфере правосудия. Такая изощренность обусловлена особенностями рыночных отношений в России — возрождением капитализма и его развитием по криминальному вектору.

Методология

При написании статьи применялись диалектический метод, сводка и группировка, статистический анализ, анкетирование, обобщение материалов социологических опросов, использовался герменевтический подход при их интерпретации.

Кошмары для бизнеса: мифы и реальность

В 2013 г. в России создан институт уполномоченных по защите прав предпринимателей, состоящий из Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей (далее — Уполномоченный) и уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации¹. С момента своего возникновения этот институт сосредоточился на доказывании того, что силовые структуры «кошмарят бизнес». Это

¹ Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации : федер. закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ : (ред. от 28 нояб. 2015 г.) // Российская газета. 2013. 13 мая.

сленговое выражение получило легализацию в выступлениях президента РФ Д.А. Медведева², а затем — в юридических публикациях различных авторов [6–8]. Согласно собранным аппаратом Уполномоченного и представленным президенту РФ В.В. Путину данным, «за 2014 год следственными органами возбуждено почти 200 тысяч уголовных дел по так называемым экономическим составам. До суда дошли 46 тысяч из 200 тысяч, еще 15 тысяч дел развалилось в суде»³. Доклад Уполномоченного президенту РФ за 2017 г. содержит информацию о 244 тыс. возбужденных уголовных дел об экономических преступлениях и о 35 671 осужденном (7 074 — к лишению свободы)⁴. В докладе Уполномоченного президенту РФ за 2019 г. констатируется, что, несмотря на принимаемые меры, в том числе изменения, внесенные в уголовно-процессуальное законодательство, и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, бизнес не защищен от необоснованного уголовного преследования. Основным составом преступления, по которому предприниматели привлекаются к уголовной ответственности, остается мошенничество, в том числе в результате перевода гражданско-правовых споров в уголовно-процессуальную плоскость. Причиной возбуждения большинства уголовных дел респонденты называют конфликт с другим предпринимателем и личный интерес сотрудников правоохранительных органов и иных органов исполнительной власти⁵. При этом речь идет о 317 тыс. зарегистрированных экономических преступлений, что на 37 % больше, чем годом ранее. В этих документах настойчиво утверждается тезис, что бизнес находится под прессом уголовного законодательства.

Убедительных доказательств в пользу правильности этого тезиса не приводится. Так, следует признать некорректным экстраполирование статистических показателей борьбы с мошенничеством исключительно на бизнес-среду. Во-первых, мошенничеством активно занимаются граждане, не имеющие никакого отношения к предпринимательству, включая

обвиняемых и осужденных, организующих самые настоящие кол-центры в следственных изоляторах и исправительных колониях для завладения средствами граждан путем обмана или злоупотребления доверием. Строго говоря, не вызывают сомнения только сведения о числе зарегистрированных мошенничеств в сфере предпринимательской деятельности. Их количество в 2017 г. составило 206, а в 2018 г. — 161. Да и сами предприниматели, судя по материалам доклада Уполномоченного президенту РФ 2020 г., жалуются на необоснованное уголовное преследование значительно реже (в десятки и даже сотни раз), если сравнить количество этих жалоб с данными о количестве возбужденных уголовных дел в отношении бизнесменов, которые доводятся до сведения лиц, принимающих решения. В 2017 г. в адрес уполномоченных по защите прав предпринимателей обращались с жалобами 3 695 бизнесменов, в 2018 г. — 6 639, в 2019 г. — 8 080, в 2020 г. — 10 243. Во-вторых, совершенно не учитывается латентность преступлений в сфере экономики, в особенности связанных с легализацией средств, полученных преступным путем, неправомерным использованием инсайдерской информации, фиктивным банкротством физических лиц, нарушением правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней и другими составами гл. 22 УК РФ, которые практически не применяются или применяются исключительно редко. В результате число осужденных за экономические преступления невелико: в 2019 г. за деяния, предусмотренные указанной главой УК РФ, плюс мошенничество в сфере предпринимательской деятельности осуждено 6 054 чел. В-третьих, сведения об уголовном преследовании бизнесменов не дифференцированы по отношению к секторам бизнеса — мелкого, среднего и крупного, хотя такая информация имеет существенное уголовно-политическое значение. В-четвертых, существуют виды предпринимательства с высокими рисками криминализации, что признано официально: лизинговые компании, ломбарды, организации, содержащие тотализаторы и букмекерские конторы, а также организующие и проводящие лотереи, тотализаторы (взаимное пари) и иные основанные на риске игры, в том числе в электронной форме, и др.⁶ В-пятых, полностью игнорируются

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 5 ноября 2008 г. // Российская газета. 2008. 6 нояб.

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г. // Там же. 2015. 4 дек.

⁴ Доклад Уполномоченного при Президенте РФ Президенту РФ. 2017. URL: <http://www.ombbudsmenbiz.ru>.

⁵ Доклад Уполномоченного при Президенте РФ Президенту РФ. 2020. URL: <http://www.ombbudsmenbiz.ru>.

⁶ О размещении информации Росфинмониторинга [Электронный ресурс] : письмо ФНС РФ от 8 окт. 2010 г. № МН-37-6/12932@ // СПС «КонсультантПлюс».

грязные методы конкурентной борьбы в предпринимательской среде и связанные с этим факты возбуждения уголовных дел в отношении одних бизнесменов по заказу других. В-шестых, в публикуемых отчетах Уполномоченного не указаны источники полученных сведений и не приведена методика соответствующих расчетов. Таким образом, достоверность представленных в них материалов в части «кошмаров для бизнеса» вызывает сомнение. К аналогичному выводу приходят и другие авторы [9].

Тем не менее законодатель продолжает политику выделения специального субъекта преступления с пониженной уголовной ответственностью — предпринимателя, последовательно нарушая принцип равенства всех перед законом [10–12].

В то же время нельзя отрицать коммерциализацию деятельности силовых структур, нашедших свою нишу в рыночной экономике России. Эта ниша — коррупционная.

Коррупционное давление на бизнес

Коррупционное давление на бизнес чаще всего осуществляется в виде вымогательства взяток (ч. 5 ст. 290 УК РФ) и провокации коррупции (ст. 304 УК РФ). Что касается вымогательства взяток, то здесь типичным является заведомое создание условий, при которых лицо вынуждено дать взятку с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов. Такое создание условий нередко сопровождается провоцированием лица на совершение незаконных действий (криминальной, но высокоприбыльной сделки), документированием согласия и последующей угрозой привлечения к уголовной ответственности. В качестве главного инструментария в данной ситуации используется провокация.

Диспозиция ст. 304 УК РФ «Провокация взятки или коммерческого подкупа» гласит: «Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, то есть попытка передачи должностному лицу, иностранному должностному лицу, должностному лицу публичной международной организации, лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, либо лицу, указанному в части первой статьи 200.5 настоящего Кодекса, без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имуще-

ственного характера, предоставления иных имущественных прав в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа, — наказывается...».

По мнению В.Н. Боркова, термин «провокация» неточно отражает содержание преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ. Виновные в данном случае не провоцируют должностное лицо на получение взятки, а создают искусственные доказательства совершения им посягательства, предусмотренного ст. 290 УК РФ. Исполнитель «провокации взятки» осознает, что выступающее в качестве потерпевшего должностное лицо не намеревается получать взятку, и подбрасывает ее в карман одежды, на рабочее место, в служебный или личный автомобиль, переводит деньги на банковский счет и т.п.» [13, с. 17–18]. В действительности провокация представляет собой склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий. Поэтому прав А.И. Кондин, предлагающий новую редакцию ч. 1 ст. 304 УК РФ: «Провокация взятки, либо коммерческого подкупа, либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, то есть попытка передачи должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера в целях искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа, а равно склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к получению или даче взятки или коммерческого подкупа, — наказывается...» [14, с. 183–184].

Провокационно-подстрекательская деятельность иногда ставится на поток. И тогда возникает феномен «крышевания» бизнеса силовиками и «общаки», хранителем одного из которых был руководящий сотрудник Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России полковник Д.В. Захарченко. «В ходе расследования по делу Захарченко следователи обнаружили у офицера и членов его семьи 13 квартир, 14 машиномест в элитных районах Москвы, а также четыре автомобиля, слиток золота в 500 граммов, часы «Rolex» и драгоценности, а также валюту, стоимость которых в рублевом эквиваленте составляет 8,5 миллиарда рублей» [15, с. 57]. Заметим,

что силовики здесь ничего не изобретают: они воспроизводят типичную криминальную схему «крышевания», в которой место гангстеров занимают полицейские. Единственное отличие заключается в предназначении складированных наличных денег, гигантские суммы которых исключают их использование в целях личного потребления. Однако следствие и суд уклоняются от выяснения этого вопроса.

Поскольку такие случаи далеко не единичны (лишь самые одиозные из них освещаются масс-медиа), то следует решительно возразить против легализации провокации преступлений, которую предлагают некоторые авторы.

Провокация преступления

Вопрос о допустимости «правомерной провокации» прямо поставлен С.Н. Радачинским [16, с. 69; 17, с. 13]. Такую позицию разделяют С.Ф. Милюков и А.В. Никуленко [18]. Трудно сказать, чего больше в таком предложении — личного (стремления быть оригинальным и тем самым обратить на себя внимание) или общественного (старательного следования курсу либерализации уголовного законодательства в классовых интересах). В любом случае оно совершенно неприемлемо.

Во-первых, «правомерная провокация» — это оксюморон, который в принципе не может быть юридическим термином.

Во-вторых, провокация не может служить средством достижения благих целей. Практика свидетельствует об обратном. Например, по материалам службы собственной безопасности ГУВД Москвы, «деятельность сотрудников 2-го отделения ОБЭП УВД по ВАО была направлена исключительно на создание видимости работы по выявлению и раскрытию преступлений. Все показатели подразделения делались за счет 4 лиц, которые изо дня в день, под различными надуманными предлогами, провоцировали госслужащих к совершению должностных преступлений...» [19].

В-третьих, в условиях, когда деятельность полиции характеризуется тенденцией к активизации выполнения незаконных приказов, что соответствует ее предназначению в классовом буржуазном государстве [20, с. 25], любое содействие провокационной деятельности силовых структур выглядит как принципиальный отказ от защиты прав граждан. Это открывает путь к массовому беззаконию, что с правовой точки зрения совершенно недопустимо.

В-четвертых, существующих оперативно-розыскных мероприятий, на наш взгляд, вполне достаточно для избличения реальных преступников, и прежде чем формулировать предложения о «правомерной провокации», следовало бы оценить их эффективность. Здесь существуют огромные неиспользованные резервы.

В-пятых, есть основание утверждать, что россияне будут категорически против легализации провокации преступлений как «неочевидного решения проблем силового противодействия преступности».

В январе 2020 г. мною был организован онлайн-опрос граждан об их отношении к полиции (приняли участие 282 чел.). Был задан такой вопрос: «Среди ученых-юристов высказываются две точки зрения:

1) первая — обосновывает необходимость расширения полномочий сотрудников полиции и легализации провокационных действий с их стороны в виде принятия статьи Уголовного кодекса РФ «Правомерная провокация»;

2) вторая — утверждает, что полномочия полиции не могут быть расширены, «правомерной провокации» не бывает, провокация — это всегда беззаконие и нужно принять статью УК РФ «Провокация преступлений». Какую точку зрения разделяете Вы?»

Вторую точку зрения выбрали 72 % опрошенных, первую — 8 %, остальные уклонились от ответа.

Поэтому, предлагая легализовать провокацию как метод силового противодействия преступности, следует как минимум поинтересоваться общественным мнением.

Совершенно прав Б.В. Волженкин и другие авторы, отвергая провокацию как метод борьбы с преступностью [21–23]. Уверен, что мнение большинства моих коллег-ученых будет аналогичным.

Кроме того, необходимо учесть, что провокационно-подстрекательская деятельность сотрудников полиции не ограничивается сферой коррупционных отношений. Более того, она наиболее активна в сфере незаконного оборота оружия, наркотических средств и психотропных веществ.

Опрос «Левада-центра», проведенный в связи с делом Ивана Голунова, показал, что 66 % россиян считают подбрасывание полицейскими наркотиков обычной практикой. Респонденты заявили, что подобные дела носят заказной характер или фальсифицируются ради корпора-

тивных интересов и отчетности⁷. По материалам указанного выше онлайн-опроса граждан, такое мнение разделили 58 % респондентов.

Справедливо в этой связи утверждается, что действующий УК РФ должен предусмотреть ответственность за провокацию любых преступлений, а не только взяток и коммерческого подкупа [24].

Однако принятие данной и других подобных норм сложившейся в сфере провокационно-подстрекательской деятельности правоохранительных органов ситуации не изменит. Во-первых, это не затрагивает причины рассматриваемого явления, которые имеют отношение к ложной парадигме всеохватывающей роли рыночных отношений в реформируемой России. Во-вторых, примеры реализации действующего законодательства по пресечению провокации преступлений настолько редки, что можно уверенно прогнозировать аналогичное бездействие и предлагаемых новых уголовно-правовых установлений. По ст. 304 УК РФ с 2011 по 2020 г. осуждено всего 5 чел., за последние пять лет (2016–2020 гг.) — ни одного.

В то же время по ст. 319 УК РФ — за оскорбление представителя власти — в 2011 г. осуждено 8 608 чел., в 2012 г. — 7 821, в 2013 г. — 7 672, в 2014 г. — 8 851, в 2015 г. — 7 816, в 2016 г. — 10 051, в 2017 г. — 10 342, в 2018 г. — 10 154, в 2019 г. — 9 189, за первое полугодие 2020 г. — 3 678 чел. Как правило, такое деяние выражается в нецензурной брани преступника в адрес сотрудников полиции во время исполнения ими должностных обязанностей по охране общественного порядка. При этом изучение материалов уголовных дел позволяет констатировать изначально грубое, не соответствующее инструкциям поведение сотрудников патрульно-постовой службы по отношению к задержанным и впоследствии осужденным гражданам, что можно расценивать как провоцирующий фактор. Как видим, на одной чаше весов правосудия — только 5 осужденных за исследуемый период провокаторов, а на другой чаше — 84 182 чел., получивших судимость, многие из которых стали жертвами полицейской провокации. Неудивительно поэтому негативное отношение значительной части российских граждан к полиции⁸.

⁷ Дело Ивана Голунова // Левада-центр. 2019. 9 июля. URL: <http://www.levada.ru>.

⁸ Стражи порядка: мониторинг отношения общества к российской полиции // ВЦИОМ Новости. 2020. 17 нояб. URL: <http://www.wciom.ru>.

Бесспорно, что такое отношение в немалой степени сформировано в результате дискредитации правоохранительных органов. Российские средства массовой информации давно и упорно формируют негативный образ полицейского. Особенно преуспели в этом авторы сериалов «про бандитов и ментов». По их мнению, типичный образ полицейского таков: коррумпирован, жаден, беспринципен, тесно связан с организованной преступностью, всегда готов к выполнению незаконных приказов (сериал «Бандитский Петербург»); собирает компрометирующий материал на представителей муниципальной и региональной власти, сам рвется к тому, чтобы занять в ее иерархии более высокую ступень (сериал «Кремень», фильм «Левша»); организует провокации в отношении честных граждан, имеет свою долю в криминальном бизнесе (сериалы «Карпов», «Высокие ставки»); рассматривает делегированную ему государством власть как возможность совершать любые незаконные действия (сериалы «Мент в законе», «Ментовские войны», фильм «Картонная пристань»). К тому же он «во имя справедливости» всегда готов прибегнуть к пыткам и даже совершить убийство (сериал «Шеф»). Попытки внести в этот образ положительные черты (например, неподкупность) имеют явно провальный характер потому, что герой выступает одиночкой в коррумпированной системе. Столь же неудачны и провокационные призывы к самосуду (сериал «Меч»). Характерно, что такие сериалы (не говоря о бесчисленных юридических искажениях российского законодательства) формируют представление о бессилии закона перед криминальной властью чиновников и бандитов и внушают экстремистские идеи самосуда и «справедливой мести». Поскольку сериалы в России постоянно смотрит половина населения⁹, они оказывают свое результативное воздействие на общественное мнение. В 2014 г. по инициативе МВД России было проведено исследование общественного мнения о деятельности органов внутренних дел. Оно показало, что почти 80 % граждан готовы поверить негативу о деятельности полицейских, подаваемому в СМИ и Интернете [25]. Однако до настоящего времени ни МВД, ни другие правоохранительные органы не принимают никаких действенных мер, чтобы «дать отпор клеветникам и невеждам» (если не считать при-

⁹ Сериалы: два мира // ФОМ. 2013. 2 нояб. URL: <https://fom.ru/blogs/11175>.

своения генеральского чина пресс-секретарям). И это при том, что решение проблемы лежит на поверхности: необходимо обеспечить императивное юридическое консультирование при создании соответствующей кино- и видеопродукции. Думается, что влияния МВД, ФСБ, Следственного комитета, Генеральной прокуратуры России достаточно для этого.

Заключение

В заключение можно сформулировать следующие выводы:

1. Парадигма «бизнес в России находится под прессом уголовного законодательства, а силовые структуры «кошмарят бизнес» является ложной. Институту уполномоченных по защите прав предпринимателей следует отказаться от нее и сосредоточиться на выявлении и устранении причин и условий того, почему правоохранные органы стали субъектами рыночных отношений.

2. Требуется решительно возразить против легализации провокации преступлений

(«правомерной провокации»), которую предлагают некоторые авторы. Любое способствование провокационной деятельности силовых структур выглядит как принципиальный отказ от защиты прав граждан, что открывает путь к массовому беззаконию и с правовой точки зрения совершенно недопустимо. Существующих оперативно-розыскных мероприятий вполне достаточно для изобличения реальных преступников.

3. Целесообразно активизировать применение ст. 304 УК РФ «Провокация взятки или коммерческого подкупа», ввести уголовную ответственность за провокацию преступлений (не только взяточничества) и декриминализировать ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти», применение которой неоправданно множит число судимых в стране.

4. Необходимо обеспечить императивное юридическое консультирование при создании кино- и видеопродукции, влияющей на формирование имиджа сотрудников правоохранительных органов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sekhon N. Police and the Limit of Law / N. Sekhon // Columbia Law Review. — 2019. — Vol. 119, № 6. — P. 1711–1772.
2. Macfarlane K. Los Angeles v. Mendez / K. Macfarlane // Columbia Law Review. — 2018. — Vol. 118, № 2. — P. 48–62.
3. Lyle P. Sworn to Protect / P. Lyle, A.M. Esmail // Race, Gender & Class. — 2016. — Vol. 23, iss. 3/4. — P. 155–185.
4. Hoffman F.J. Rethinking Police Violence in Brazil: Unmasking the Public Secret of Race / F.J. Hoffman // Latin American Politics and Society. — 2013. — Vol. 55, № 4. — P. 161–181.
5. Combatting Land Corruption in Africa / C. Wesley, E.B. Koroma, F. Mutondori [et al.]. — Berlin : Transparency International, 2019. — 45 p.
6. Селина Е.В. Понятие злоупотреблений в праве противокриминального сегмента / Е.В. Селина // Современное право. — 2017. — № 6. — С. 71–73.
7. Назаров О.В. О проблемах, связанных с возбуждением уголовных дел о налоговых преступлениях / О.В. Назаров // Адвокат. — 2016. — № 2. — С. 41–53.
8. Винокуров В.А. Государственный контроль в современной России: предложения по его совершенствованию в сфере обеспечения безопасности жизнедеятельности / В.А. Винокуров // Журнал российского права. — 2018. — № 9. — С. 113–119.
9. Скобликов П.А. Смягчение ответственности за организованную преступную деятельность в экономической сфере: предпосылки, изменения законодательства и возможные последствия / П.А. Скобликов // Мировой судья. — 2020. — № 6. — С. 3–10.
10. Безверхов А.Г. Современная уголовная политика в сфере экономики: в поисках адекватной модели / А.Г. Безверхов // Российская юстиция. — 2012. — № 10. — С. 31–34.
11. Чернышев Д.Б. Предпринимательское мошенничество: нужна ли бизнесу своя уголовная статья? / Д.Б. Чернышев // Российский юридический журнал. — 2019. — № 2. — С. 89–97.
12. Клейменов М.П. Профанация уголовной политики / М.П. Клейменов // Вестник Омского университета. Сер.: Право. — 2017. — № 3. — С. 131–134.
13. Борков В.Н. Квалификация провокационно-подстрекательских действий сотрудников правоохранительных органов / В.Н. Борков // Уголовное право. — 2015. — № 1. — С. 16–21.
14. Кондин А.И. Некоторые вопросы квалификации служебных общеуголовных преступлений / А.И. Кондин // Вестник Омского университета. Сер.: Право. — 2016. — № 2. — С. 182–187.
15. Хлебников П. «Крышевание» бизнеса силовиками. Доказательная база и анализ судов // Административное право. — 2020. — № 1. — С. 57–62.
16. Радачинский С. Провокация как обстоятельство, исключающее преступность деяния / С. Радачинский // Уголовное право. — 2009. — № 2. — С. 65–69.
17. Радачинский С.Н. Провокация преступления как комплексный институт уголовного права: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / С.Н. Радачинский. — Нижний Новгород, 2011. — 56 с.

18. Милуков С.Ф. Провокация в борьбе с коррупцией: диалектическое противоречие и пути выхода из него / С.Ф. Милуков, А.В. Никуленко // Актуальные проблемы экономики и права. — 2016. — Т. 10, № 4. — С. 45–53.
19. Хинштейн А. Обратны бессмертны / А. Хинштейн // Московский комсомолец. — 2013. — 24 июня.
20. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 32 : Позабыли главное (муниципальная платформа партии пролетариата) / В.И. Ленин. — 5-е изд. — Москва : Политиздат, 1969. — С. 23–26.
21. Волженкин Б. Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией? / Б. Волженкин // Российская юстиция. — 2001. — № 5. — С. 43–45.
22. Кондратьев Ю.А. Либеральная концепция борьбы с коррупцией: qui prodest? / Ю.А. Кондратьев // Российский следователь. — 2017. — № 24. — С. 38–40.
23. Савинский А.В. О соотношении оперативного эксперимента, провокации и обстоятельств, исключающих преступность деяния / А.В. Савинский // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2018. — № 3. — С. 23–38.
24. Иванов В.Д. Провокация преступления / В.Д. Иванов, В.А. Черепакхин // Российский следователь. — 2013. — № 14. — С. 29–32.
25. Балашов В. Важно дать жесткий отпор клеветникам / В. Балашов // Щит и меч. — 2015. — 10 дек.

REFERENCES

1. Sekhon N. Police and the Limit of Law. *Columbia Law Review*, 2019, vol. 119, no. 6, pp. 1711–1772.
2. Macfarlane K. Los Angeles v. Mendez. *Columbia Law Review*, 2018, vol. 118, no. 2, pp. 48–62.
3. Lyle P., Esmail A.M. Sworn to Protect. *Race, Gender & Class*, 2016, vol. 23, iss. 3/4, pp. 155–185.
4. Hoffman F.J. Rethinking Police Violence in Brazil: Unmasking the Public Secret of Race. *Latin American Politics and Society*, 2013, vol. 55, no. 4, pp. 161–181.
5. Wesley C., Koroma E.B., Mutondori F., Nkutawala M.M., Okai M.H., Rafitoson K. *Combating Land Corruption in Africa*. Berlin, Transparency International, 2019. 45 p.
6. Selina E.V. A Concept of Abuses in Anticriminal Segment of Law. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2017, no. 6, pp. 71–73. (In Russian).
7. Nazarov O.V. On Problems Associated with Excitation of Criminal Cases on Tax Crimes. *Advokat = Lawyer*, 2016, no. 2, pp. 41–53. (In Russian).
8. Vinokurov V.A. State Control in Modern Russia: Proposals on its Improvement in the Field of Life Safety. *Zhurnal rossiiskogo prava = Russian Law Journal*, 2018, no. 9, pp. 113–119. (In Russian).
9. Skoblikov P.A. Mitigation of the Liability for Organized Economic Crimes: Prerequisites, Legal Changes and Possible Consequences. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*, 2020, no. 6, pp. 3–10. (In Russian).
10. Bezverkhov A.G. Contemporary criminal Policy in the Sphere of Economics: Looking for an Adequate Model. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2012, no. 10, pp. 31–34. (In Russian).
11. Chernyshev D.B. Entrepreneurial Fraud: Does your Business Need its own Criminal Article? *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2019, no. 2, pp. 89–97. (In Russian).
12. Kleymentov M.P. Profanation of Criminal Policy. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series: Law*, 2017, no. 3, pp. 131–134. (In Russian).
13. Borkov V.N. Classification of Provocative and Abetting Actions of Law-enforcement Officers. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2015, no. 1, pp. 16–21. (In Russian).
14. Kondin A. Some Issues of Qualifying Ordinary Crimes. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series: Law*, 2016, no. 2, pp. 182–187. (In Russian).
15. Khlebnikov P. «Protection» of Business by Security Forces. Evidence Base and Analysis of Courts. *Administrativnoe pravo = Administrative Law*, 2020, no. 1, pp. 57–62. (In Russian).
16. Radachinsky S.N. Provocation as a Circumstance Excluding Criminality. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2009, no. 2, pp. 65–69. (In Russian).
17. Radachinskiy S.N. *Provokatsiya prestupleniya kak kompleksnyi institut ugovornogo prava: problemy teorii i praktiki. Avtoref. Dokt. Diss.* [Crime Provocation as Complex Institute of Criminal Law: theoretical and practical Issues. Doct. Diss. Thesis]. Nizhny Novgorod, 2011. 56 p.
18. Milyukov S.F., Nikulenko A.V. Subornation in Struggle against Corruption: Dialectic Contradiction and Ways out of it. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, no. 4, pp. 45–53. (In Russian).
19. Khinshtein A. Werewolves are Immortal. *Moskovskii komsomolets*, 2013, June 24.
20. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. 5th ed. Moscow, Politizdat Publ., 1969, vol. 32, pp. 23–26. (In Russian).
21. Volzhenkin B. Is Provocation Justifiable as a Method of Corruption Counteraction? *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2001, no. 5, pp. 43–45. (In Russian).
22. Kondratyev Yu.A. The Liberal Concept of Corruption Combating: Qui Prodest? *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2017, no. 24, pp. 38–40. (In Russian).
23. Savinsky A.V. About the Relation of the Operational Experiment, Provocation and Circumstances Excluding Crime of Action. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2018, no. 3, pp. 23–38. (In Russian).
24. Ivanov V.D., Cherepakhin V.A. Provocation of a Crime. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2013, no. 14, pp. 29–32. (In Russian).
25. Balashov V. It is Important to Give a Tough Rebuff to Slanderers. *Shchit i mech*, 2015, December 10.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Клейменов Михаил Петрович — профессор кафедры уголовного права и национальной безопасности Новосибирского государственного университета экономики и управления, г. Новосибирск, Российская Федерация; заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, г. Омск, Российская Федерация; e-mail: klim798@mail.ru; SPIN-код: 4431-6452; AuthorID: 596245.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Клейменов М.П. Полицейский произвол: мифы и реальность / М.П. Клейменов. — DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).46-54 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 1. — С. 46–54.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kleymenov, Mikhail P. — Professor, Chair of Criminal Law and National Security, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, the Russian Federation; Head, Chair of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Russian Federation, Omsk, the Russian Federation; e-mail: klim798@mail.ru; SPIN-код: 4431-6452; AuthorID: 596245.

FOR CITATION

Kleymenov M.P. Abuse of power by the police: myths and reality. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 1, pp. 46–54. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).46-54. (In Russian).